

УДК 811.161.1'255.2+811.512.121'255.2

**РЕАЛИИ, РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИКА И
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СТРОЙ В
КАРАКАЛПАКСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОЭМЫ Н.А.
НЕКРАСОВА «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»**

Турсынмуратов Ш.М.

Старший-преподаватель,
Каракалпакский государственный университет,
Нукус, Республика Узбекистан

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы художественного перевода поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины» на каракалпакский язык. На основе сопоставительного анализа оригинального и переводного текстов выявляются характерные типы переводческих потерь: семантические сдвиги при передаче историко-бытовых реалий XIX века (возок, тройка, кибитка), искажение православной религиозной символики (икона, хоругвь, терновый венец) и нарушение эмоционально-экспрессивного строя некрасовского текста. Устанавливается, что переводчик Т. Сейтжанов применял разнообразные переводческие стратегии — функциональный аналог, транскрипцию, калькирование, описательный перевод, — однако недостаточный уровень историко-культурной компетенции обусловил ряд системных погрешностей. Отмечается отсутствие паратекстуального аппарата (примечаний и комментариев) как устойчивой характеристики каракалпакской переводческой школы данного периода. Делается вывод о необходимости формирования научно обоснованных критериев оценки поэтического перевода в каракалпакском литературоведении.*

***Ключевые слова:** художественный перевод, каракалпакская литература, Некрасов, «Русские женщины», реалии, религиозная символика, переводческая стратегия, эквивалентность, Т. Сейтжанов.*

Введение

Творческое наследие Н.А. Некрасова по сей день остаётся одной из наиболее сложных страниц в истории междокультурных переводческих

контактов. Парадоксальное замечание Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, высказанное ещё в 1920-е годы о том, что «Некрасовым действительно пора заняться», звучит удивительно актуально применительно к каракалпакскому переводоведению: несмотря на существование переводов почти всех значимых произведений поэта, они по сей день не получили всестороннего научного осмысления. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел — на материале каракалпакского перевода поэмы «Русские женщины», выполненного Т. Сейтжановым в 1962 году.

Выбор данного произведения в качестве объекта анализа неслучаен. «Русские женщины» признаны одной из наиболее трудных для межъязыковой передачи поэм некрасовского наследия: её жанровая природа сочетает эпическую широту и лирическую исповедальность, насыщенность историко-культурными реалиями и высокое эмоционально-образное напряжение. Как точно замечал Д.С. Мережковский, Некрасов являет собой «тайну русской поэзии», которая «открывает всё новые горизонты для понимания русской литературы». Именно эта многослойность и создаёт принципиальные переводческие трудности.

Теоретической основой исследования служит реалистический принцип художественного перевода, разработанный в трудах И.А. Кашкина и И. Левого, согласно которому перевод полноценен в той мере, в какой воспроизводит не только идейно-тематическое содержание оригинала, но и его художественную форму, ритмико-интонационную структуру и эстетическое воздействие. Методологическую рамку составляет также концепция реалий С. Влахова и С. Флорина и теория культурной компетенции переводчика.

Историко-бытовые реалии как «крестные муки переводчика»

Первую и наиболее системную группу переводческих трудностей в поэме «Русские женщины» образуют реалии транспортно-бытовой культуры XIX

века. Образ дороги является здесь не просто сюжетным фоном, но центральным структурообразующим мотивом: через физическое ощущение пути — многомесячное движение по суровым трактам, холод, усталость, страх — раскрывается нравственное величие подвига княгинь Трубецкой и Волконской.

И. Левый точно определил подобные случаи как «*cruces translatorum*» — крестные муки переводчика, — имея в виду ситуации, когда реалия не имеет функционального эквивалента в языке-реципиенте и требует нестандартных переводческих решений. Т. Сейтжанов применял различные стратегии: функциональный аналог (*шана* вместо *возок*), транскрипцию (*тройкага*), описательный перевод. Как показывает анализ, ни одна из них не воспроизводит в полной мере лингвокультурную специфику реалии.

Ключевым примером является лексема *возок* — крытый утеплённый зимний экипаж, — передаваемая в переводе каракалпакским словом *шана* («открытые сани»). Формальная близость транспортных средств маскирует принципиальное функциональное расхождение: *шана* — открытая конструкция, тогда как *возок* — закрытая, оснащённая фонарём внутри. Именно эта смысловая лакуна обусловила пропуск строки «Фонарь внутри его зажгли» в переводном тексте: переводчик не сумел соотнести реалию *возок* с размещённым внутри него источником света. Данный случай — классический пример «ложного друга переводчика» в области культурно-предметных реалий.

Аналогичная проблема возникает при передаче лексемы *тройка*. Это понятие не имеет прямого аналога в каракалпакском языке, и переводчик прибегает к транскрипции, однако без поясняющего примечания утрачивается культурно-символическое измерение образа: тройка у Некрасова — это не просто средство передвижения, но метафора судьбы, стихийной силы, влекущей героинь навстречу испытанию. Как справедливо указывал В.В.

Виноградов, фоновые сведения отражают «социокультурные характеристики, освоенные массой носителей языка», — переводчик же лишён этого культурного фона, что неизбежно порождает семантические потери.

Православная символика: десакрализация как переводческая стратегия

Вторая принципиальная группа трудностей — передача православной религиозной символики, пронизывающей поэму. Княгини Трубецкая и Волконская показаны у Некрасова глубоко верующими женщинами: молитва перед иконой, получение благословения, обращение к Богородице — всё это не декоративные детали, но органические элементы психологического портрета героинь.

Анализ перевода обнаруживает устойчивую тенденцию к семантической нейтрализации религиозно маркированных единиц, характерную для советской переводческой практики в целом. Показательны следующие случаи.

Во-первых, обращение к *Божьей Матери* заменено в переводе обобщённым обращением к Богу-Творцу («Жаратқанға жалбырандым»). Исчезает принципиально значимая для православного религиозного сознания фигура Богородицы как заступницы и посредницы — личного, эмоционально окрашенного образа материнского покровительства. На каракалпакском языке существует лексический эквивалент — *Мариям Ана*, — однако переводчик его не использует, что свидетельствует о сознательном или неосознанном уклонении от конфессионально маркированного образа.

Во-вторых, реалия *хоругвь* заменена словом *икона*. С. Влахов и С. Флорин рассматривали реалии как единицы, требующие «приближённого смысла» или «контекстуального разъяснения» при отсутствии прямого эквивалента. В данном случае переводчик прибегает к подмене: обе единицы принадлежат православной культовой атрибутике, однако их семантика принципиально различна: *хоругвь* — процессионное знамя, символ духовного шествия; *икона*

— статический объект молитвенного созерцания. Замена нарушает не только денотативное содержание, но и ритуально-символический план текста.

Наиболее значительным искажением религиозной образности является, однако, передача метафоры «я полюбила его, как Христа». В переводе образ Христа заменён образом Бога-Творца («Таниримдей сүйіп қалдым мен оны»). Данная трансформация влечёт серьёзные теологические последствия: образ Сына Божьего как страдальца и мученика — ключевой для понимания этики подвига героини у Некрасова — подменяется образом безличного Творца, что уничтожает жертвенно-искупительный пафос оригинала. Не менее показательна замена образа *тернового венца* на «венец славы и благодарности» (*даңқ, алғыс тажысы*): вместо мотива мученичества возникает мотив торжества, принципиально противоречащий авторской концепции.

Эмоционально-экспрессивный строй: вольность как подмена

Третья группа переводческих проблем связана с передачей эмоционального строя некрасовского текста. Как отмечал Ю.М. Лотман, «кажущаяся простота» некрасовского стиля «возникла как определённый художественный эффект»: за внешней прямолинейностью скрывается многослойная психологическая структура, опирающаяся на точно выверенную пунктуацию, синтаксическое дробление строки, многоточия и восклицательные конструкции как носители драматического напряжения.

В переводе эта структура систематически нарушается. Особенно показателен эпизод прощания с отцом («О, видит бог!.. Но долг другой, / И выше и труднее, / Меня зовёт... Прости, родной!»): короткие обрывистые фразы, многоточия, передающие паузы и внутреннюю борьбу, — всё это в каракалпакском варианте сглаживается, синтаксис приобретает более развёрнутый характер, и исчезают именно те «маркеры внутреннего напряжения», которые составляют художественную сердцевину эпизода.

Другая характерная тенденция — неоправданное усиление эмоциональной экспрессии. Воспоминание о кадрили с императором передаётся в переводе как «страстное любовное признание» («Ах, сол бир колда сонша мухаббат / Еле жағар денемди отқа»), тогда как у Некрасова это сдержанное, почти официальное описание придворного танца. Подобная «перекраска» эмоционального плана существенно искажает образ героини и свидетельствует о том, что переводчик не уловил жанровую, историческую и стилистическую природу текста. Образно говоря, здесь проявляется то, о чём предупреждал К.И. Чуковский: «вдохновенные переводы» при «малейшем ослаблении дисциплины» превращаются в «фейерверк отсебятины».

Принципиальной системной проблемой является также отсутствие паратекстуального аппарата — примечаний и комментариев. М.Л. Гаспаров определял комментарий как «перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств», подчёркивая: «Не надо думать, что читатель сделает это сам; он или совсем этого не сделает, или сделает совсем не так, как мы ожидаем». Применительно к поэме Некрасова, насыщенной реалиями XIX века, православной символикой и историческими аллюзиями, отсутствие комментариев делает перевод принципиально неполным культурным высказыванием.

Переводческие стратегии и их классификация

На основе проведённого анализа можно установить, что переводческие стратегии Т. Сейтжанова при работе с реалиями поддаются следующей классификации.

Функциональный аналог применяется в тех случаях, когда в каракалпакском языке существует предмет, функционально сопоставимый с реалией оригинала: *возок* → *шана*, *медвежья полость* → *айыў тери*. Данная стратегия является наиболее распространённой, однако её применение

нередко маскирует культурное несовпадение за внешним предметным сходством.

Транскрипция используется при отсутствии каких-либо аналогов: *тройка* → *тройкага*, *храм* → *храм*. Это корректная стратегия, однако без сопроводительного комментария она не обеспечивает понимания культурной нагрузки реалии.

Описательный перевод применяется при передаче понятий, требующих экспликации: *казённая фура* → *патшалык арбасы*, *кибитка* → *саяман арба*. Данная стратегия в целом обеспечивает денотативную эквивалентность, но утрачивает конкретику реалии.

Наконец, лексико-семантическая замена фиксируется в тех случаях, когда переводчик подменяет реалию иной единицей: *хоругвь* → *икона*. Это единственная стратегия, которую необходимо квалифицировать как переводческую ошибку, поскольку она влечёт искажение денотативного содержания.

Систематизация переводческих решений позволяет сделать вывод о том, что Т. Сейтжанов обладал развитым переводческим инстинктом и в ряде случаев находил удачные решения. Так, передача строки «Святых и ангелов толпой / Вверху украшен храм» — «Әулиелер хәм периштелер / Түсименен безелер храм» — заслуживает высокой оценки: православная конфессиональная специфика здесь сохранена благодаря использованию семантически точных эквивалентов «аулиелер» (святые) и «периштелер» (ангелы) и транскрипции лексемы «храм».

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ каракалпакского перевода поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины» позволяет сформулировать следующие выводы:

Перевод Т. Сейтжанова обнаруживает три типологические зоны потерь: историко-бытовые реалии XIX века, православная религиозная символика и эмоционально-экспрессивный строй некрасовского текста. Каждая из этих зон обусловлена не столько недостатком переводческого мастерства, сколько объективными историко-культурными и методологическими ограничениями: отсутствием развитой традиции переводческой рефлексии, недостаточной историко-культурной компетентностью и характерным для советской переводческой практики стремлением к идеологической нейтрализации религиозного содержания.

Устойчивой характеристикой каракалпакской переводческой школы рассматриваемого периода является также полное отсутствие паратекстуального аппарата: ни примечания, ни комментарии не сопровождают перевод, что существенно снижает его информативность и культурную полноту. В этом смысле каракалпакская практика расходится с рекомендациями ведущих теоретиков перевода — от М.Л. Гаспарова до А. Жаксыбаева, — единодушно настаивавших на необходимости комментариев при передаче исторически и культурно насыщенных текстов.

Вместе с тем перевод обладает несомненной исторической и культурной ценностью: он стал первым опытом воспроизведения крупного поэтического произведения Некрасова на каракалпакском языке и внёс вклад в формирование переводческой традиции. Как утверждал И. Гёте, «труд переводчика был и остаётся одним из важнейших, достойнейших дел, связывающих воедино вселенную», — и это суждение вполне применимо к рассматриваемому переводу, несмотря на все его художественные и методологические несовершенства.

Результаты исследования подтверждают необходимость выработки научно обоснованных критериев оценки поэтического перевода в каракалпакском литературоведении, а также необходимость системной

подготовки переводчиков, включающей углублённое изучение историко-культурного контекста переводимых произведений.

Список использованной литературы:

1. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 415 с.
2. Виноградов В.В. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978. 87 с.
3. Гаспаров М.Л. Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. 31 с.
4. Жаксыбаев А. Көркем аударма мәселелери. Нөкис: Каракалпакстан, 1967.
5. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод // Вопросы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1955. С. 140.
6. Курамбаев К. Взаимное обогащение литератур. Нукус: Билим, 1993. 211 с.
7. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. С. 93–149.
8. Лотман Ю.М. О специфике стиля поэзии Н. Некрасова. М., 1988.
9. Некрасов Н.А. Русские женщины. М.: АСТ, 2007.